

Кудьтурга-2005,
19-25 мая. - С. 10

"Холокост" Зураба Церетели

На открытии памятника жертвам нацизма в Иерусалиме

В Израиле, в Иерусалиме, установлен памятник евреям, жертвам нацизма работы Зураба Церетели.

Холокост... То, что сотворили нацисты и их пособники в отношении евреев, — едва ли не самое чудовищное преступление, какое допустило человечество в XX веке. Параноидальная, не имеющая никаких обоснований ни в истории, ни в религии, ни в науке об этносе идея о расовом превосходстве, навязанная нацизмом народу Германии; утверждение путем насилия и развязывания войн своего якобы "права" на порабощение, унижение и эксплуатацию "нижших рас" принесло всем народам Европы неисчислимые бедствия, миллионам русских, поляков, украинцев, белорусов, чехов, французов, сербов — мучительную смерть. Но в отношении евреев расовая доктрина нацизма доходила до такого извращения, такого немислимого садизма, о котором почти невозможно думать. Евреев не должно было быть на земле! Уничтожению подлежал весь народ — каждый человек, в чьих жилах течет еврейская кровь: старики, женщины, дети...

...Дядя моей подруги, еврей по национальности, в первые дни войны ушел на фронт; его семья оказалась на оккупированной территории Крыма. Жена его была русской; трехлетняя дочурка, крупнотелая голубоглазая Аленка, походила на мать, у нее были шансы выжить. Но нашлись "добрые люди", донесли оккупантам, что отец девочки еврей. И малышку повесили. Очевидцы рассказывали, как обезумевшая от ужаса мать бежала за телогой, на которой везли ее трехлетнюю дочку на казнь...

Бывают люди с повышенной чувствительностью к физической боли: малейшая царапина причиняет им страдания. Зураб Церетели обладает повышенной чувствительностью к боли душевной, ко всему, что волнует, трогает, задевает людей в нашем

беспощадном мире, и, будучи художником "милостью божьей", неукоснительно следует своему призванию: отражает, воплощает в искусстве то, что переполняет его сердце, владеет мыслями, предстает глазам в зримой пластической форме. Творит — и отдает свои творения людям.

Он не остается равнодушным ни к угрожающему распространению СПИДа, ни к трагедии Нью-Йорка, ни к горю Беслана, ни к жестокой памяти войны, создает мемориальный ансамбль на Поклонной горе в честь фронтов и флотов, подпольщиков и партизан, тружеников тыла 1941 — 1945 годов. Ваяет, пишет, воскрешает в скульптуре и на холсте, в бронзе и эмали величественные образы Ветхого и Нового Завета и фигуры "маленьких", простых людей, создает памятники великому поэту Иосифу Бродскому и генералу де Голлю — 9 мая герой Франции встал в Москве часовым на площади своего имени.

Иных раздражает такая душевная щедрость художника — не потому ли, что слишком редко она встречается в наш прагматичный, расчетливый век и далеко не каждый из нас способен, как Зураб Церетели, с такой самоотдачей отзываться на призывы времени, так заинтересованно и остро переживать все, что происходит в мире, — и всенародные праздники, и всенародную боль?

Чудовищные преступления тоталитаризма против человечности не отпускают его от себя, вновь и вновь возвращается мастер к этой мучительной и скорбной теме. В светлые дни шестидесятилетия Победы над нацизмом, озаренные чувством бесконечной благодарности к тем, кто принес миру спасение от самого страшного ада, какой только порождает история, мог ли Церетели не думать о трагедии Холокоста — квинтэссенции мирового зла?

Его скульптура, подаренная от имени России Израилю, — не просто

дружественный политический акт, приуроченный к визиту в Израиль Владимира Путина. Это "крик души" художника, с беспощадной к самому себе честностью передавшего страшную, переворачивающую душу сцену казни, вечно стоящую перед его духовным взором. Люди. Живые люди — отец, мать, мальчик, беззащитные в своей наготе, отрезанные от мира колючей проволокой концлагеря... Отнято все — оставлено лишь данное Богом тело да клочок заваленной камнями мертвой земли... Через секунду будет отнято и это. Мать в последнем порыве безграничной любви застилает ладонью сынишке глаза, чтобы не видел он направленного на него дула автомата. Говорят, последнее впечатление с особой остротой запечатлевается в сознании умирающего, не оставляет в посмертном существовании... Так пусть же в свой смертный миг ощутит ребенок не холодное дыхание убийцы, а нежное тепло материнской руки...

Мало у кого из жителей Израиля, выходцев из Европы, из бывшего Советского Союза не осталось близких и родных — в Саласпилсе близ Риги, в Бабыем Яре близ Киева, в безымянных рвах Симферополя и Кишинева... Каждый израильтянин может увидеть в фигурах монумента Церетели именно их, своих отцов, матерей, братьев, сестер, в последние мгновения их жизни. Ничего не придумал скульптор, так все и было в действительности: палачи деловито раздевали догола обреченных, обривали головы — каждая детская рубашонка, каждый женский волос утилизировались, шли на нужды рейха...

У грузина Церетели нет родных в Бабыем Яре. Но не понаслышке знает он о концлагерях и жертвах беспощадных тоталитарных режимов XX века. И в его семье были репрессированные, расстрелянные... Тем острее переживает он трагедию Холокоста — саднящую, не утихающую боль каждого честного человека Земли.

Александр Твардовский оставил замечательное стихотворение о войне: о них — павших и нас — живых:

*Я знаю, никакой моей вины,
В том, что другие
не пришли с войны,
В том, что они —
кто старше, кто моложе —
Остались там, и не о том же речь,
Что я их мог, но не сумел сберечь, —
Речь не о том,
но все же, все же, все же...*

Не сомневаюсь: тревожное влечение совести, чувство неоплатного долга перед погибшими двигали рукой Зураба Церетели, когда он всего себя, всю силу своего таланта и мастерства отдавал памятнику, воздвигнутому на земле Израиля в дни шестидесятилетия Победы, в светлые дни Пасхи, Пейсаха — праздника Исхода и Воскресения.

Мария ЧЕГОДАЕВА